Г.И. Королёв, д.и.н., Москва

ГЕРАЛЬДИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА[1]

Творчество А.С. Пушкина отражает разнообразные интересы поэта. Нашлось в ним место и гербам. До сих пор геральдические мотивы в произведениях Пушкина не изучались.

Впервые Пушкин использовал геральдический образ в стихотворении «Воспоминания в царском Селе» (1814 г.): «Не се ль Элизиум полнощный, Прекрасный Царскосельский сад, Где, льва сразив, почил орёл России мощный На лоне мира и отрад?» Здесь «лев» есть намёк на шведский герб, а «орёл» - намёк на русский герб. Вместе это аллегория победы русских над шведами в воине 1788-1790 гг., состоявшейся вскоре по устройстве в Царском Селе пейзажного парка. Называя страны по их гербам, Пушкин следовал традиции, возникшей в русской поэзии во второй половине XVII в. Например, у Симеона Полоцкого есть такие слова: «Ликуй, орле российский, под небо взнесенный, Твоей власти есть польский орел порученный». Не чужд был такой приём и Г.Р. Державину, который в конце XVIII в. написал: «Орел бросает взоры На льва и на Луну, Стокгольмы и Босфоры Все бьют челом ему». Очевидно, что 15-летний Пушкин хорошо знал традиционные приёмы построения аллегории.

Государственный орёл России появляется в произведениях Пушкина и позднее. В «Кавказском пленнике» (1820 - 1821 гг.) сей образ символизирует водворение русской власти и порядка на Кавказе: «И воспою тот славный час, Когда, ночуя соя кровавый, На негодующий Кавказ Подъялся наш орел двуглавый». В десятой же главе «Евгения Онегина», не вошедшей в роман (1830 г.?), после отрицательной оценки Александра I («властитель слабый, и лукавый») говорится о поражении наших войск под Аустерлицем: «Его мы очень смирным знали. Когда не наши повара Орла двуглавого щипали У Бонапартова шатра».

Намёк или прямое упоминание государственного знака могли служить намёком на бытовые обстоятельства. В строках «К тебе сбирался я давно /.../ И что ж? Гербовые заботы Схватили за полы меня, И на Неве, хоть нет охоты, Прикованный остался я» («К Языкову», 1828) комментаторы усматривали намёк на герб как на знак долговых обязательств. Герб в бытовых обстоятельствах присутствует в сатирической «Истории села Горюхина» (1830): «Музыка была всегда любимое искусство образованных горюхинцев; балалайка и волынка, услаждая чувствительные сердца, поныне раздаются в их жилищах, особенно в древнем общественном здании, украшенном елкою и изображением двуглавого орла». Намёк на питейное заведение.

Иностранные государственные эмблемы тоже присутствуют в пушкинской геральдике. Стихотворение «Наполеон на Эльбе» (1815) было написано по получении известий о высадке Бонапарта на юге Франции, случившейся 1 марта 1815 г. Пушкинский Наполеон мечтает о возвращении во Францию с острова и, в частности, думает: «И вспыхнет брань! За галльскими орлами, С мечом в руках победа полетит». «Галльских орлов» можно истолковать как двойной образ. Их можно понять как собирательное название сподвижников Наполеона, подобно тому, как Пушкин называл деятелей времён Екатерины II «екатерининскими орлами», - например, Кутузова в стихотворении «Перед гробницею святой». Вместе с тем, «галльские орлы» - намёк скорее всего на знамена наполеоновской армии, на которых изображался императорский герб Наполеона I (увенчанный короною орёл). В 1821 г. Пушкин откликнулся на смерть французского бывшего императора, прибегнув к тому же образу: «Давно ль орлы твои летали» («Наполеон»). Противника Наполеона Пушкин характеризует, упоминая королевский герб: «И мстил за лилии Бурбона» («Принцу Оранскому», 1816). В общем контексте «орлы» и «лилии», упомянутые по разным случаям, создают символический образ противостоящих сил. Иное значение имеет мотив королевского герба при изображении подвигов Жанны д'Арк: «Она спасла французские лилеи» («Начало 1 песни «Девственницы», 1825). Темы с французскими гербами относятся к раннему периоду творчества Пушкина, От позднего времени сохранилась пушкинская запись анекдота с разговором голландской королевы с принцем Оранским, в котором упоминаются бурбонские лилии (1836).

Два геральдических мотива относятся к темам борьбы балканских народов против турецкого ига. Словами «Гроза луны, свободы воин» Пушкин характеризует предводителя сербов Карагеоргия («Дочери Карагеоргия», 1820). «Луна» - символ Турции в духе той эмблематической поэзии, о которой сказано выше. В письме 1821 г., адресованному, как полагают, В.Л. Давыдову говорится о знаменах греческих повстанцев, в т.ч. о знамени с крестом. Позднее крест будет включен в герб Греции.

Наконец, Пушкин не прошёл мимо факта использования герба в философско-политической полемике. В рецензии на публикацию переписки Вольтера (1836) Пушкин упоминает прусский герб в виде орла, помещенный на «заглавном листе» памфлета против философа и пишет, что «Вольтер только тогда догадался, с кем имел он неосторожность состязаться» - с королём Фридрихом II. Геральдический факт приведён для характеристики отношений между Вольтером и прусским королём.

Поэт не забыл и о частной геральдике.

В эпиграмме «На Аракчеева» (1817 - 1820) он цитирует гербовый девиз графа А.А. Аракчеева «Без лести предан» в измененной форме - «Преданный без лести». В «Пиковой даме» (1803) в общем виде говорится об упо-

треблении аристократических гербов в траурной церемонии: на похоронах графини в церкви «стояли ее домашние: слуги в черных кафтанах с гербовыми лентами на плече и со свечами в руках».

В «Послании Дельвигу» (1827) слово «герб» участвует в создании кладбищенской атмосферы: «Барон в обители печальной Доволен, впрочем, был судьбой, Пастора лестью погребальной. Гербом гробницы феодальной И эпитафией плохой». 31 июля 1827 г. Пушкин писал А.А. Дельвигу, в частности, следующее: «Если кончу послание к тебе о черепе твоего деда, то мы и его тиснем». Упоминание конкретного «деда» конкретизирует герб в стихотворении как герб Дельвигов. В том же произведении слово «герб» встречается ещё раз, а именно при описании подземелья, в которое студент опустился с провожатым: «Пред ними длинный ряд гробов; Везде щиты, гербы, короны».

«Готический» сюжет «Послания Дельвигу» соприкасается с темой отношения к родовым традициям в русском обществе. В 1830 г. Пушкин написал статью «Опровержение на критики» по поводу упрёков литераторов друг другу в принадлежности или непринадлежности к дворянству. Выразив мнение, что не происхождение определяет образ мыслей, Пушкин высказал гордость за древность своего рода и сожаление об отсутствии интереса к истории родов в обществе. Внимание к родословию поэт считал одним из проявлений интереса к истории, составляющей аспект культуры. В таком контексте Пушкин ссылается и на гербы. В одном случае он своими словами передаёт насмешки некоторых литераторов по поводу «нетерпимости дворян-журналистов», как бы спрашивающих - «кто сии феодальные бароны, сии незнакомые рыцари, гордо требующие гербов и грамот от смиренной братии нашей?» В другом случае он отвечает на выпад Ф.В. Вулгарина, посмеявшегося над африканским предком Пушкина и помянувшего при этом мольеровского «Мещанина во дворянстве», словами: «Не они (сотрудники «литературной газеты» - Г.К.) находят 600-летнее дворянство мещанством; не они печатают свои портреты с гербами весьма сомнительными». В стихотворении «Моя родословная» того же, 1830, года Пушкин упоминает печать с гербом - признаком рода («Под гербовой моей печатью Я кипу грамот схоронил»). Немного позднее в неоконченной поэме «Езерский» (1832) снова раздаются сетования на безразличие к генеалогии и при этом используется и геральдический мотив: «Мне жаль, [...] Что геральдического льва Демократическим копытом У нас лягает и осел: Дух века вот куда зашел!» В дневниковой записи от 18 декабря 1834 г. он передаёт разговор «у s.» о русском дворянстве, гербах и прочим, из которого делает вывод, что «гербы наши все весьма новы. Оттого в гербе князей Вяземских, Ржевских пушка. Многие из наших старых дворян не имеют гербов». Из этих слов видно, что Пушкин считал пушку в гербе признаком новизны. Если учесть, что у нас артиллерия появилась в

последней трети XIV в., то хронологический предел для понятия новизны оказывается довольно относительным.

Запись в дневнике показывает интерес Пушкина к истории гербов. В подготовительных материалах к ненаписанной «Истории Петра» отмечены такие факты, как датированный «1724 - началом 1725-го года» указ о создании полковых гербов и учреждение должности герольдмейстера и дача ему инструкции в 1722 г.

В 1821 или 1822 г. в думе «Олег Вещий» К.Ф. Рылеев написал: «Но в трепет гордой Византии И в память всем векам Прибил свой щит с гербом России К царьградским воротам». В письмах брату (1823) и Рылееву (1825) Пушкин изложил своё понимание «герба России» во времена Олега: тогда герба ещё не было, двуглавых орёл - это византийский герб, означающий разделение на Западную и Восточную империю, «у нас же он ничего не значит», «древний герб, Святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега», двуглавый же орёл принят при Иване III. Тот же смысл имеет примечание к «Песни о вещем Олеге» (1822), сделанное позднее[2]. Неизвестно, как представлял себе «герб России» на щите Олега Рылеев. Слова же Пушкина показывают, что поэт разделял обиходное в его время представление о византийском двуглаве. Знание о русском гербе, вероятно, основывалось на идеях Н.М. Карамзина и, скорее всего, также и В.Н. Татищева[3]. Татищев считал первым гербом всадника, но к Олеговым временам его не возводил. Определённо он писал о фигуре на монетах Василия III, глухо упоминал о владимиро-суздальском всаднике. Карамзин выводил двуглавого орла с печати великого князя Московского 1497 г. Обращает на себя внимание мнение Пушкина, что всадник был Георгием.

В заключение я остановлюсь на сюжете, относящемся к теме государственного герба, но в особом смысле.

В восьмой главе «Капитанской дочки» (1836) есть эпизод, в котором казак рассказывает Гринёву, что Пугачёв «показывал царские свои знаки на грудях: на одном двуглавый орел, величиною с пятак, а на другой персона его». Об этих «знаках» Пушкин писал несколько раньше - в «Истории Пугачева» (1834). Описывая внешность Е.И. Пугачёва, Пушкин сообщает, что у того было белое пятно на левом виске и «на обеих грудях знаки, оставшиеся после болезни, называемой черною немочью». Под чёрной немочью, видимо, следует понимать чуму, одна из волн которой прокатилась по России в 1771 г. В примечании к своему тексту Пушкин приводит мнение А.И. Левшина, считавшего, что Пугачёв выдавал пятна за «какие-то царские знаки»[4], и даёт своё объяснение факту: «Оно не совсем так: самозванец, хвастая, показывал, их, как знаки ран, им полученных». Впоследствии Н.Ф. Дубровин опубликовал паспорт Пугачева 1772 г., в кото-

ром среди примет названы шрам на левом виске и «две ямки на груди» от золотухи[5]. Дубровин привёл и показания пугачёвцев о том, как Пугачёв говорил о своих «знаках»[6]. В частности, на вопрос казака «што это, батюшка, арѣл што-ли?» Пугачев ответил: «Нет друг, это герб»[7]. В изданных подготовительных материалах к «Истории» выписок и заметок насчёт «знаков» нет. Имеются, кстати сказать, упоминания о значках и знамёнах и описание одной группы знамён, употреблявшихся в войске Пугачева. Очевидно, однако, что Пушкин, работавший над следственными делами, подробности о «знаках» знал.

Сюжет с пугачевскими «знаками»-гербами интересен, в частности и прежде всего, тем, что раскрывает методы работы Пушкина над научными и художественными произведениями. Стремясь создать достоверный и живой образ исторического лица и показать его действия и притязания, Пушкин не пренебрёг своеобразными геральдическими деталями, зафиксированными в источниках. За введением этих деталей в произведения стоит большая работа по изучению литературы и архивных материалов[8]. В художественном произведении геральдическая деталь, отвечающая исторической действительности, служит одновременно для характеристики Пугачёва и казака - одного из тех, кто верил Пугачёву. Казак рассказывал так, как будто он видел действительного двуглавого орла. Поместив на грудь Пугачёву «персону», Пушкин, вероятно, допустил некоторую вольность против источников. Вольность, однако, небольшая. Она основывается на факте: Пугачёв имел печать со своим портретом. Такая печать описана в одном из показании пугачевцев»[9].

Геральдические эпизоды в произведениях А.С. Пушкина кратки, но ёмки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Тексты см.: ***Пушкин А.С.*** Полн. собр. соч. М., 1937-1959. Т. 1-17.

[2] Там же. 1949. Т. 2. С. 741.

[3] Первое издание «Истории Российской» Татищева - 1768 г., «Истории государства Российского» Карамзина - 1816-1829 гг.

[4] ***Левшин А.И.*** Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823. С. 39-40. Примеч. 44.

[5] ***Дубровин Н.*** Пугачёв и его сообщники: Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773-1774 гг. По неизданным источникам. СПб., 1884. С. 148. Примеч. 2.

[6] Там же. С. 178, 180, 206, 207. Записи показаний хранятся в РГАДА.

[7] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 506. Д. 103.

[8] См.: ***Овчинников Р.В.*** Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969.

[9] Пугачёвщина. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 106.